

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования

«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ГНЕВ (НА
МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗОК)**

Выпускная квалификационная работа

по направлению 44.03.05 Педагогическое направление с двумя профилями

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Проверка на объем заимствований:

78,52% авторского текста

Работа рекоменду к защите
рекомендована/не рекомендована

« 29 » мая 2021 г.

зав. кафедрой русского языка

и МОРИА:

[подпись] Глухих Н.В.

Выполнил (а):

Студент группы ОФ-515/075-5-2

Сырвачева Валерия Денисовна

Научный руководитель:

Кандидат филологических наук, доцент

Шibaкова Лариса Геннадьевна

Челябинск

2021

Оглавление

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>ГЛАВА 1. ГНЕВ КАК ЭМОЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ</u>	7
<u>1.1 Эмотивная теория – теоретический аспект</u>	7
<u>1.2 Гнев как эмоция: психологическое и физиологическое проявление</u> ..	11
<u>1.3 Эмотивно-оценочная лексика в русской культуре и языке</u>	15
<u>1.4 Понятие сказки (бытовая сказка: специфика, образы, язык)</u>	22
<u>Выводы по 1 главе</u>	28
<u>ГЛАВА 2. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ГНЕВ В РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ</u>	30
<u>2.1 Анализ языковых единиц, отражающих гнев в русской бытовой сказке</u>	30
<u>2.2 Репрезентация гнева в языке: данные ассоциативного эксперимента</u> ...	47
<u>Заключение</u>	54
<u>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК</u>	57

ВВЕДЕНИЕ

Бытие – есть важнейшее понятие философии, которое находит свое формальное выражение в языке. Поэтому отражение категории бытийности – в широком смысле существования человека вообще, в сложной знаковой структуре, соотношении сознания людей, языка и его тесной связи с реальностью являются центром научных интересов лингвистов и философов.

В словаре-справочнике лингвистических терминов Розенталя Д. Э. язык представляется системой фонетических, лексических и грамматических средств, являющейся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащей важнейшим средством общения людей. Лингвист отмечает, что, будучи неразрывно связанным в своем возникновении и развитии с данным человеческим коллективом, язык представляет собой явление социальное и образует органическое единство с мышлением, так как одно без другого не существует [33].

Таким образом, мы находим подтверждение тому, что именно в языке воплощается наше специфическое, присущее каждой отдельной национальной культуре, осознание бытия.

Выше нами было отмечено, что язык носит системный характер, состоит из различных уровней, которые находятся в тесной связи друг с другом. Для нас представляет интерес лексический ярус языковой системы, главной единицей которого выступает слово. Выделение на лексическом уровне активного и пассивного словарного запаса свидетельствует о его динамическом характере, что позволяет рассмотреть то или иное языковое явление в развитии. Денотативное значение слова, указывающее на его предметную соотнесенность и служащее для логической передачи понятия, снимает степень абстракций в языке и помогает работать с конкретным фактом языковой действительности. Коннотация же, предназначенная для выражения эмоциональных или

оценочных оттенков высказывания, отображает культурные традиции сообщества и его отношение к предмету или явлению.

В настоящей квалификационной работе мы подходим к рассмотрению слова, а именно эмотивно-оценочной лексики, репрезентирующей гнев, во-первых, с позиции диахронии (от изучения языкового факта на материале русской бытовой сказки (РБС) до ассоциативного эксперимента в настоящее время); во-вторых, фиксируем узуальное значение реакций, полученных в ходе исследования, на слово-стимул «гнев», посредством обращения к данным «Русского ассоциативного словаря», и прослеживаем реализацию коннотативного (эмоционального) компонента, «дополняющего основное понятийное содержание смыслами, в которых отражены социально-психологические оценки и ассоциации соответствующих явлений» [20; с. 160].

На сегодняшний день знания об эмотивных аспектах речевых единиц являются необходимыми для различных отраслей языкознания (аксиологическая, гендерная, коммуникативная лингвистика и т.д.). Постановка проблемы эмоций в лингвистике в число приоритетных задач ее развития началась с монографии Шаховского В. И. «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» (1987 г.). Интерес к проблеме эмоций не угасает и сегодня: ученые-лингвисты посвящают разработке этой темы большое количество работ (Апресян Ю. Д., Арттюнова Н. Д., Бабенко Л. Г., Васильев Л. М., Караулов Ю. Н. и др.). Но, по замечанию Серебрянской Н. А., в данной области языкознания наблюдается недостаток фундаментальных работ по этиологии, что ведет к расхождению в трактовке основных понятий лингвистики эмоций и неоднородности эмотивной терминологии.

Отметим, что в науке о языке характеристики тех или иных эмоций представлены фрагментарно. Так, например, данная проблема не была рассмотрена на материале русского фольклора.

Таким образом, **актуальность** нашей квалификационной работы создается необходимостью дальнейшей разработки проблематики эмоций в языке, включающей исследование эмоционально-оценочной лексики, репрезентирующей гнев в русской бытовой сказке.

Объектом исследования являются слова, представляющие отрицательную эмоцию гнева в русском бытовом фольклоре.

Предмет исследования составляет совокупность смыслов эмоционально-оценочной лексики, номинирующей гнев в русской бытовой сказке.

Цель работы заключается в описании эмоционального негативного понятия гнев в русском языке и в выявлении специфических черт вербализации гнева в русской бытовой сказке.

Данная цель предполагает решение следующих **задач**:

- рассмотреть гнев во всех аспектах его проявлений: психологическом, физиологическом, языковом;
- определить систему лексических средств репрезентации гнева в русском языке;
- определить особенности бытовой сказки;
- выявить особенности вербализации отрицательной эмоции гнева в русской народной бытовой сказке;
- провести ассоциативный эксперимент и в ходе анализа полученных данных сделать вывод об особенностях языкового сознания современного человека.

Теоретическая значимость работы состоит в целостном подходе к разработке проблемы гнева в языке, в выявлении содержательных признаков понятия гнев в языковой действительности русского человека и русской бытовой сказки.

Практическая ценность нашего исследования обусловлена тем, что материалы и выводы, предлагаемые нами, могут быть использованы как в

школьной обучающей практике, так и в повседневном коммуникативном пространстве обучающихся за счет увеличения эффективности практической работы с текстами с учетом их воздействующей силы, при обучению речевому общению на уроках русского языка, уроках развития речи и занятиях по литературе, посвященных анализу художественных текстов.

Материалом для исследовательской работы стала картотека эмоционально-оценочной лексики (59 единиц), собранная методом сплошной выборки из 3-й книги «Сказки» [36] (социально-бытовые сказки), составленной Кругловым Ю. Г. (проанализирована 61 русская народная сказка в обработке Афанасьева А. Н.), и данные ассоциативного эксперимента.

Структурно работа состоит из Введения, двух глав, выводов по каждой главе, Заключения, Библиографического списка.

Во введении рассматриваются цель, задачи, объект, предмет и метод исследования, теоретическая и практическая ценность данной исследовательской работы.

В первой главе рассматривается гнев как эмоция и основные подходы к изучению данной проблемы.

Вторая глава посвящена рассмотрению эмотивно-оценочной лексики, репрезентирующей гнев в русской бытовой сказке.

В Заключении делаются выводы по данному исследованию.

ГЛАВА 1. ГНЕВ КАК ЭМОЦИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ

1.1 Эмотивная теория – теоретический аспект

Эмоции – это одна из важнейших сторон жизни человека, с которой связана любая его деятельность. Сущность и природа эмоций привлекали внимание ученых со времен греко-римской цивилизации. В Античности эмоции человека были предметом исследования философии и психологии. В понимании древних ученых (Эпикур, Аристотель, Демокрит) психические явления представляли собой особый вид познания, совокупность субъективных реакций живых существ на воздействие внутренних и внешних раздражителей. В результате исторического развития появился ряд новых научных дисциплин, которые стали изучать различные сферы применения знаний о человеческих эмоциях: биология, физиология, социология, кибернетика, лингвистика и др.

В современном мире изучение эмоций в языке, пространстве текста и коммуникативной связи, посредством которой осуществляется процесс передачи информации и мыслей, является одной из актуальных задач лингвистики. Данный интерес обусловлен тем, что эмоции пронизывают все языковое пространство: публичное, бытовое и художественное общение.

По мнению Шаховского В. И., эмоции являются неотъемлемыми компонентами мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к лингвокультурной группе. Эмоции любого языкового сообщества социальны и психологизированны, следовательно, обобщены национальным опытом народа. Они выступают индивидуальной формой оценивания окружающей среды и влияют на специфику регулирования межличностных отношений в социуме.

Термин *эмоции* используется для обозначения «психических процессов переживания человеком отношения к тем или иным явлениям окружающей действительности» [52; с. 35].

В первой половине XX века появилась новая междисциплинарная отрасль лингвистической науки – эмотиология, или лингвистика эмоций, которая возникла благодаря группе ученых (Шарль Балли, Мишель Бреаль, Ван Гиннекен), выступавших за то, что лингвистике необходимо обратиться к изучению эмоциональных составляющих языка.

Данная наука сформировалась на стыке психологии и традиционного языкознания и стала сферой научных интересов ученых-лингвистов (В. А. Мальцев, С. Б. Берлизон, М. Д. Городникова, Н. М. Павлова, Н. М. Михайловская и др.). В психологии под эмотивностью языка понимают «материальное воплощение в знаках текста окружающей действительности, которая пристрастно отражена под воздействием эмоции» [18; с. 238]. Эмотиология, в свою очередь, рассматривает эмоциональность как важное качество процесса речевой деятельности и коммуникации, регулирующее основные процессы смыслопорождения и формирования высказывания.

Для науки 70-80-х годов было актуальным и новым обоснование системных свойств семантических элементов языка, кодирующих фрагменты субъективной сферы личности. Внесение категориальной четкости в малоизученное тогда пространство эмоциональных смыслов являлось важной задачей лингвистических исследований. Основными теоретическими проблемами, на базе которых выросли новые научные труды, разрабатывающие характер частных проявлений влияния субъективной сферы личности на особенности языковых единиц, стали следующие положения: обоснование необходимости разграничения понятий «эмоциональность» и «эмотивность» в науке и выявление границ эмотивности единиц языка [34].

Сажина Е. В. отмечает, что научный интерес к выражению эмоций в языке обоснован стремлением к более детальному изучению мышления человека как к одному из центральных объектов междисциплинарных исследований [34].

По определению исследователя Разореновой Ю. А., центральными категориями данной лингвистической модели являются языковая личность и концепт, представляющие совокупность средств для изучения природы человека, которая в языке запечатлела «свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [31; с. 82]. Следовательно, эмоции, переживания, чувства, именно их словесное отражение, располагаются среди лидирующих позиций в фокусе научных интересов современных лингвистов [31].

Отметим, что мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения являются именно эмоции, что научно доказано. Отечественные лингвисты Берлиоз С. Б., Городникова М. Д., Азнаурова Э. С., Арнольд И. В., Быкова О. И. и др., опережая западноевропейских и американских исследователей, стояли у истоков нового, эмотиологического направления в лингвистике. Отечественные ученые смогли сформулировать представления об эмоциональной совокупности смыслов культуры и нормативности эмоционального поведения, благодаря детальной разработке поля эмотивной лексики.

В настоящее время в эмотиологии сложился комплекс теоретических подходов, ставших основой лингвистических исследований в России. Изучению репрезентации эмоций посвящены научные труды таких российских ученых, как Апресян Ю. Д., Арутюнова Н. Д., Бабенко Л. Г., Васильев Л. М., Красавский Н. А., Шаховский В. И. и др. За рубежом большое внимание эмотивному аспекту языка уделяют Вежбицкая А., Волек Б., Эйчисон Дж.

В современной лингвистике эмоций можно выделить ряд проблем, которые сложились в несколько приоритетных направлений научных исследований данной области:

- коммуникация эмоций;
- эмотивное семантическое пространство языка и эмотивное смысловое пространство языковой личности;
- эмоциональная окраска текста;
- влияние эмоционального типа на формирование языковой картины мира, понятие эмоциональной языковой картины мира;
- национально-культурная специфика выражения эмоций и др.

Важно подчеркнуть, что эмоции, являясь частью естественного развития человека, носят универсальный и узнаваемый характер во всех культурах. Они включены в структуру сознания и стилей мышления, поэтому кроме универсальных эмоциональных переживаний, выделяют и специфические для определенной культуры эмоции.

Условия общения, возрастные особенности участника речевой ситуации также влекут изменение эмоций и способов их выражения. По мнению Шаховского В. И., нормы трансляции эмоций нестабильны и меняются от культуры к культуре, в процессе смены исторических эпох и движения социальных классов, что предписывает использование различных средств и способов выражения эмоций. В этом отношении эмотивность как лингвистическая категория представляется связующим свойством языка выразить психологические состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи – эмотивы [50].

Выше нами было отмечено, что одна из задач эмотиологии состоит в разграничении смежных понятий «эмоциональность» и «эмотивность».

В своей работе «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий» Сажина Е. В. противопоставляет данные термины, определяя эмоциональность как психологическую категорию, а

эмотивность как языковую. Под эмоциями лингвист понимает проявление чувственной реакции человека на раздражитель, имеющей выражение в невербальном проявлении, когда инструментом общения становится тело человека: жестикулирование, мимика, позы, особенности движений, взгляда [34]; под эмотивностью – вербальное выражение эмоций. Исследователь Кунин А. В., напротив, трактует понятия эмотивности и эмоциональности в тесной взаимосвязи, полагая, что эмотивность – это «эмоциональность в языковом преломлении, то есть чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [21; с. 93]. Шаховский В. И. также отмечает обусловленность одного понятия другим и пишет об эмотивности как о результате преломления эмоционального компонента философской категории идеального в поле языка. Исследователь развивает мысль о том, что содержание эмоциональной области языка «составляет обозначение различными языковыми средствами и в разной степени всего спектра эмоционального состояния человека в единстве и многообразии их уникальных свойств, в их качественном отличии от всего, что к эмоциональной сфере духовной жизни человека непосредственно не относится» [52]. Мы разделяем позицию Кунина А. В. и Шаховского В. И., в связи с чем не разводим понятия эмоциональности и эмотивности в рамках данного исследования, считая их взаимообусловленными.

1.2 Гнев как эмоция: психологическое и физиологическое проявление

Гнев – это одна из базовых эмоций человека, которая представляет собой естественную реакцию организма на действие внешних раздражителей, препятствие в удовлетворении какой-либо потребности.

Важнейшей задачей гнева как эмоционального процесса является устранение или быстрое обесценивание источника раздражения.

Гнев как объект рассмотрения психологии представлен в работах Берковиц Л., Ильина Е. П., Кларка Л., Коута Х., Линде Н. Д., Паттерсона Д., Томкинса С., Экмана П., Эрона Л., Кассинова Г. и др. Актуальность исследования этого психического явления обусловлена проблемой оптимизации межличностного взаимодействия и проблемой адекватного психического развития личности в постоянно меняющемся мире.

Американский психолог Экман П. [53] утверждает, что «гнев выражается как чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо (обычно бурно проявляющееся) и является более сильным (интенсивным) вариантом злости» [53; с. 234]. В Энциклопедическом словаре по психологии и педагогике мы видим схожее определение гнева как «чувства негодования, возникающее у субъекта в конфликте в результате действий оппонента, явно ущемляющих его интересы, или явной неправоты его позиции» [54]. Австралийский психолог Фрейд З. рассматривал гнев в контексте агрессии, считая отрицательную эмоцию проявлением саморазрушительного инстинкта смерти. Профессор психологии Берковиц Л. после многих лет исследования проблем гнева приходит к выводу о том, что его источником является сама раздражающая стимуляция. Он доказывает, что воздействие на человека неприятных событий (высокая или низкая температура, плохие запахи, непристойные сцены и т.п.) заставляет его испытывать дурные чувства или негативный аффект, который является прямым активатором гнева.

Специалист по проблемам человеческих эмоций Изард К. Э. отмечает, что гнев, как и любая другая эмоция, может быть активирован действиями, мыслями и чувствами. Ученым было установлено, что «к причинам гнева относятся: боль, ограничение свободы, препятствия в достижении цели, аверсивная стимуляция, (неприятные события:

погружение в холодную воду, продолжительное воздействие высокой температуры, скверные запахи, непристойные сцены), оскорбление. Также гнев может быть вызван интерпретацией человеком действий окружающих людей как неправильных и несправедливых» [25; с. 24]. Кроме того, предпосылками возникновения данной эмоции служат глупые, необдуманые поступки, которые вызывают социальное неодобрение, причиняют вред окружающим, а также действия, совершенные под влиянием других людей. Исследователь обращает внимание на то, что некоторые из этих действий вызывают у человека чувство гнева по отношению к самому себе, в то время как другие активируют гнев, направляют его вовне.

Группа западных ученых под руководством Спилберга Ч. считает гнев чертой темперамента, мотивируемой чувством враждебности. Психологи различают гнев и гневливость, определяя первое как кратковременное состояние, а второе – склонность к этой эмоции. Гнев как состояние складывается из субъективных переживаний, изменяющихся по интенсивности от слабого раздражения до интенсивной ярости или бешенства, состояние сопровождающееся возбуждением автономной нервной системы.

Шире гнев рассматривается Касиновым Г., который видит чувство не только единичной эмоцией или свойством темперамента, но как «внутренние переживания человека, по большей части приобретенные, варьирующие по интенсивности, частоте и продолжительности» [16; с. 315]. Психолог считает гнев природным чувством, а механизмы его возникновения универсальными. При этом исследователь делает следующее уточнение: в зависимости от культуры выстраивается основа гнева, поэтому то, что вызовет отрицательный эмоциональный отклик у человека на Востоке, может не получить никакой реакции в европейской культуре.

Так, в психологии гнев рассматривается в качестве единичной эмоциональной реакции, черты темперамента или совокупности внутренних переживаний, но всегда нежелательных, которые, как отмечают ученые, человек зачастую старается избежать, потому что видит в них лишь отрицательное наполнение.

С физиологической точки зрения гнев представляет собой «аффект ярости, бешенства с сужением сферы сознания и недостаточно или вовсе не контролируемые агрессивными действиями» [11; с. 297].

К характерным чертам гнева исследователи относят «напряжение, жар, давление, повышение частоты сердцебиений, увеличение частоты дыхания, покраснение лица. Если при этом человек ничего не говорит, то обычно плотно сжимает зубы, выдвигает вперед подбородок. У субъекта возникает импульс, заставляющий его сделать движение вперед в направлении объекта гнева» [25; с. 23].

Ещё в XIX столетии английским ученым Дарвином Ч. были зафиксированы такие мимические и физиологические проявления этой эмоции: «кровь кипит, лицо начинает гореть, тяжелое дыхание» [53; с. 152]. Но ученый-натуралист не рассматривал данную эмоцию лишь в отрицательном аспекте, а считал гнев важнейшей адаптивной реакцией живых существ в рамках эволюционного развития. К такому же выводу приходят и ученые XX века. Например, Изард К. Э. пишет о том, что умеренный гнев придает человеку смелости и повышает его самооценку. «Эволюционное значение гнева состоит в мобилизации энергии для активной самозащиты индивида» [25; с. 25]. Испытывая чувство гнева, человек ощущает прилив сил, энергии, что происходит за счет выброса в кровь адреналина. Тем самым увеличивается его уверенность в себе и уменьшается страх при наличии опасности.

Ученые, занимающиеся разработкой проблемы гнева, говорят о важности умения контролировать данную эмоцию и осознавать

особенности её возникновения. Так, по мнению Экмана П., главная выгода от внимательности к чувству гнева состоит в возможности управлять нашими реакциями, заново оценивать ситуации и планировать действия, которые способны устранить источник гнева [53; с.161]. «Даже если мы знаем о нашем гневе, но не можем быть внимательными к нему, не можем отступить в сторону и задуматься на какое-то время о происходящем, то мы не сможем сами решать, что будем делать» [53, с.161].

1.3 Эмотивно-оценочная лексика в русской культуре и языке

Слово как основная единица языка изучает в общей теории лингвистики. В разряд лексических единиц входят как цельноформленные единицы, так и аналитические единицы, т.е. устойчивые словосочетания. Основной лексической единицей все же является слово, характеризующееся соотнесённостью формы и содержания. Проблема слова рассматривается в трёх различных плоскостях: структурном (выделение слова, его строение), семантическом (лексическое значение слова) и функциональном (роль слова в структуре языка и в речи).

Под лексикой понимается совокупность слов языка, его словарный состав. Этот термин также используется, когда речь идет об отдельных пластах словарного состава языка: «лексика бытовая, деловая, поэтическая и т. п.), и для обозначения всех слов, употреблённых каким-либо писателем (лексика Пушкина) или в каком-либо одном произведении (лексика «Слова о полку Игореве») [3; с. 87].

Лексика является предметом изучения лексикологии, семасиологии и ономасиологии.

Семасиологическое изучение второстепенных значений слова является предметом исследования работ следующих ученых: Звегинцев В. А., Шмелев Д. Н., Гак В. Г., Арутюнова Н. Д.,

Склярская Г. Н., Стернин И. А., Телия В. Н., Харченко В. К. В основе последних трудов лежат методы компонентного анализа лексического значения слова. Его суть состоит в том, что лексическое значение признаётся комбинаторным образованием, членимой структурой, состоящей из элементарных семантических единиц – сем. Он позволяет выявлять внутрисловные взаимосвязи мотивированного переносного лексикосемантического варианта сегомотиватором.

Лексический состав языка уникален по своей природе. Он отражает действительность и «реагирует на изменения в жизни народа путем постоянного расширения словарных единиц для обозначения новых предметов, процессов, явлений и понятий» [12].

Язык способен передать не только мысли, но и всю психическую сферу человека. Так, Виноградов В. В. в труде «Русский язык: грамматическое учение о слове» пишет: «Слово одновременно является и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [7; с. 21]. Характер языковых явлений, которые связаны с психическими состояниями, эмоциональными переживаниями, чувствами различен.

Шаховский В. И. пишет, что «эмоции – одна из форм отражения мира, отношения, в которых они находятся к человеку, т.е. не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека. Эмоции являются способом оценки этого значения для конкретного человека и через нее – информацией о состоянии внутреннего «я», его сознания и психики. Эмоции есть только там, где есть интерес и отношение» [52; с. 24].

Изображение чувства в речи требует особой экспрессии. Экспрессивность (от лат. *Expressio* – выражение) – значит выразительность. Экспрессивный, т.е. содержащий особую экспрессию. Особая экспрессия отличает слова шутливые (*новоиспеченный*), иронические (*донжуан*), фамильярные (*смазливый*). Экспрессивная окраска в слове наслаивается на эмоционально-оценочное значение, так у

одних слов преобладает экспрессия, у других – эмоциональность. В связи с чем отличить эмоциональную и экспрессивную лексику затруднительно, а иногда и невозможно. Однако типология выразительности отсутствует.

Шаховский В. И. считает эмотивность семантической характеристикой единиц языка. Согласно лингвисту, эмотивность характерна для языка и для речи, поэтому речевую деятельность можно назвать эмотивной, а мыслительную эмоциональной, если доминирующим компонентом является эмоциональный [48; с. 103].

В 70-е и 80-е годы XX века в лингвистических трудах рассматривались способы и приемы словарного описания отдельных групп экспрессивного материала. Эта проблема стала фундаментом монографического исследования Шаховского В. И. Исходным положением труда стало понимание экспрессивного компонента как «правомерной информативной части лексического значения, существенной при функционировании экспрессивного слова» [51; с. 47].

Экспрессивные слова можно выделить в две группы:

- 1) слова, выражающие положительную оценку называемых понятий (это ласкательные слова, шутливые), например: *молодчинка, умничка*;
- 2) слова, выражающие отрицательную оценку (иронические, неодобрительные, бранные слова и т. п.), например: *козел, тормоз, баран*.

Экспрессивное слово зачастую является мотивированным. Семантический признак, соединяющий мотивирующее и мотивированное, относится к скрытой семантике мотиватора. Шаховским В. И. считал, что в словарной статье слова мотиваторы необходимо эксплицировать на потенциальные семы, которые «актуализируются в переносных значениях или экспрессивных словообразовательных дериватах, т. е. выделять в толковании их значения «коннотативную зону» [51; с. 60].

Голуб И. Б. в труде «Русский язык и культура речи» отмечает, что на эмоционально-экспрессивную окраску слова влияет и его значение. В русском языке есть слова, которые имеют резко отрицательную оценку

(*фашизм, мафиозный*). Другие же слова имеют в своем значении положительную оценку (*правопорядок, модернизация*) [8].

Стилистика любого языка уделяет особое внимание изучению эмоционально-оценочной лексики.

Эмоционально-оценочное слово представляет собой лексическую единицу, содержащую оценочную коннотацию. Оно проявляется в том случае, если говорящий выражает свое отношение к называемому лицу, предмету или явлению, то есть дает оценку. Эмоционально-оценочная окрашенность слова также называется коннотацией, или экспрессивной окраской [18].

Так, многие слова не только называют понятия, но и отражают отношение к ним говорящего. Арутюнова Н. Д. утверждает, что «интерпретируя чужое поведение, говорящий, как это предполагает сам механизм оценки, сопоставляет реальное с должным и желаемым [2; с. 57].

Действительно, эмоциональная окраска слова может выразить как положительную, так и отрицательную оценку. Но не все эмоциональные слова содержат оценку; в то же время слова, в которых оценка составляет само их лексическое значение не относятся к эмоциональной лексике (например: *рассудительный*). Эмоциональная окраска возникает в том случае, если его значение содержит элемент оценки. Номинативная функция осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому, а, следовательно, и экспрессивностью. Такие слова, как *губошлеп, разгильдяй, властелин, всемогущий* несут экспрессивно-эмоциональный заряд и являются стилистически-окрашенными.

В языкознании оценочно-экспрессивные коннотации рассматриваются эмотиологией – лингвистикой эмоций. Эмоции представляют собой форму оценки субъектом объективного мира. В процессе языкового восприятия психическое явление трансформируется в языковое, а, следовательно, эмоциональность в эмотивность.

В словаре лингвистических терминов под редакцией Жеребило Т. В. дается следующее определение термину «эмоционально-оценочное слово – лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки: *дождичек*, *беленький* и т. п. Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки: иронический, неодобрительный, ласкательный и др. Эта окраска, как правило, устойчива, поскольку возникает в результате того, что само значение слова содержит элемент оценки» [38; с. 319].

Касаткин Л. Л. дает следующее определение оценочной лексики: «Лексика экспрессивно-оценочная (от лат. *Expressio* – «выражение») – слова, отражающие эмоциональное отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения» [15; с. 167].

Самотик Л. Г. в учебном пособии «Лексика современного русского языка» говорит, что экспрессивность – общая семантическая категория, которая «проявляется на всех языковых уровнях, это проявление субъективного начала языка в противопоставление объективному, часть языковой прагматики» [35; с. 240].

Автор «Стилистики русского языка» Кожина М. И. выделяет следующие разновидности коннотаций:

- собственно эмоционально-экспрессивные коннотации (оценка заключена в самом значении языковой единицы);
- «языковые единицы, в логико-понятийном значении которых не заключена оценка, но она как бы сопутствует ему благодаря традиционному употреблению в контекстах, имеющих оценочную значимость» [17; с. 70];
- коннотации функциональной разновидности языка (обычной для данной единицы сферы употребления).

Голуб И. Б. выделяет три группы эмоциональной лексики. В состав первой группы входят «слова с ярким оценочным значением (такие слова, как правило, однозначны, потому что оценка очень ярко и определенно выражена) [24; с. 18]. Например, *допотопный*, *держать*, *опорочить*. Вторая

группа – это многозначные, обычно нейтральные в основном значении, но получающие яркую эмоциональную окраску при метафорическом употреблении слова. В данном случае можно выделить две подгруппы: «существительные со значением лица (*шляпа, тряпка, тюфяк, ворона, дуб*) и глаголы (*петь, шипеть, пилить, грызть, копать*)» [8; с. 19]. Третья группа – это слова «с суффиксами субъективной оценки, передающие различные оттенки чувства. К ним относятся слова-характеристики»: *предтеча, провозвестник, брюзга, пустомеля, подхалим, разгильдяй; слова, заключающие положительные эмоции: сыночек, солнышко, бабуля, аккуратненько, близехонько; слова, выражающие отрицательные эмоции: бородачица, детина, казенщина*» [8; с. 19]. Эмоциональную окрашенность данной группы несут различные аффиксы. Оценочные значения обусловлены не номинативными свойствами слова, а словообразованием.

Развитию эмоционально-экспрессивных оттенков в слове способствует его метафоризация. Так, стилистически нейтральные слова, употребленные как тропы, получают яркую экспрессию: *падать (духом), задыхаться (в неблагоприятных условиях), голубая (мечта), летящая (походка)*. Окончательно определяет экспрессивную окраску контекст: нейтральные слова могут восприниматься как высокие и торжественные; высокая лексика в иных условиях может приобретать насмешливо-ироническую окраску; порой даже бранное слово может прозвучать ласково, а ласковое – презрительно. Дополнительные экспрессивные оттенки слова значительно расширяют изобразительно-выразительные возможности лексики.

Экспрессивная окраска слов художественных произведений отличается от экспрессии этих слов в спонтанной речи. В условиях художественного контекста лексика получает дополнительные, побочные смысловые оттенки, которые обогащают ее экспрессивную окраску.

В лингвистике большое значение придается семантическому объему слов в художественном тексте, что обусловлено проявлением у них экспрессивной окраски.

В стилистике эмоционально-оценочные слова выражают отношение субъекта к действительности, содержанию или адресату.

Розенталь Д. Э. и Теленкова М. А. приводят следующую классификацию эмоциональной лексики:

1) слова, имеющие выраженную языковыми средствами эмоциональную окрашенность: *лапочка, бабулечка*;

2) бранные слова: *разгильдяй*;

3) междометия: *О Боже! Черт поberi!* [33; с. 52].

Касаткин Л. Л. в литературном языке выделяет три группы эмоционально-оценочных слов:

1) в самом значении слова заключен элемент оценки (*брюзга – имеющий обыкновение надоедливо ворчать; кляча – плохая лошадь; разгильдяй – нерадивый, небрежный в делах, разболтанный человек*) или положительной (*возмездие – отплата, кара за преступление, за зло; дерзание – смелое стремление к чему-либо благородному, высокому*);

2) экспрессивную оценку несут переносные значения слова. О человеке: *колода, корова, орел, теленок, кислый, липнуть, кипятиться* (по наблюдениям Шмелева Д. Н., это главным образом отрицательная экспрессия);

3) слова с суффиксами субъективной оценки: *бабуля, мамочка, цветочек, домище, старикан, старичок, беленький*; не все такие слова фиксируются толковыми словарями [15; с. 89].

Эмоционально-оценочная лексика характерна для разговорного, художественного и публицистического стилей речи, но не употребляется в научном и официально-деловом стилях по той причине, что их характерной черной является точность семантического значения слова.

Кобжицкая О. Г. отмечает, что наибольшей эмоциональной насыщенностью среди всех функциональных стилей литературного языка обладает разговорный стиль. Нами было замечено, что репрезентация гнева в русский бытовых сказках осуществляется путем включения в речь героев лексем именно разговорного стиля. Это объясняется тем, что «разговорно-бытовой речи в большей степени, чем любой другой сфере речевого общения, свойственна непосредственность выражения эмоционального мира в интонациях, эллиптическом построении фраз, готовом фонде экспрессивно окрашенных слов» [18; с. 236].

Таким образом, экспрессивность речи передается особой выразительной эмоциональной лексикой, которая выражается как в положительном, так и в отрицательном значении слова. Под эмоционально-оценочной лексикой понимается лексическая единица, которая содержит в своем значении элемент оценки. Слова с эмоциональной окраской включают в себя различные оттенки, т.е. коннотативные компоненты, которые в значении слова доминируют рациональным. Эмоционально-оценочная лексика употребляется в художественной и разговорной речи в связи с созданием эмоциональности. В стилистике эмоционально-оценочные слова отражают эмоционально выраженную прагматику языка. Ученые-лингвисты выделяют три группы слов с элементами оценки, который может быть заключен в самом значении слова, в переносном значении слова и в суффиксах.

1.4 Понятие сказки (бытовая сказка: специфика, образы, язык)

В современном литературоведении под литературным жанром понимают «исторически складывающийся и развивающийся тип литературного произведения (художественного, публицистического, научного и др.)» [17; с. 56].

Трудность определения жанрового своеобразия литературного произведения объясняется его динамичностью и изменчивостью границ, а

также наличием многочисленных промежуточных форм. Как отмечает Кожина М. Н., «признаки жанра эволюционируют: нередко одни и те же жанровые названия в разные периоды литературного развития выражают разные понятия, так как соотнесены с различными типами текстов» [17; с. 56].

Автором в каждом художественном произведении создается собственная картина мира, находящая речевое воплощение в тексте. В авторском видении мира существуют фантастические, уникальные, парадоксальные представления, что, собственно, и является характерной чертой сказки.

Когнитивный подход к изучению сказки подразумевает выделение произведения, имеющего наибольшее число свойств, свойственных данному жанру характеристик.

Прототипом является народная, а не, как принято думать, авторская сказка. Как справедливо отмечает Печерникова Е. М., именно «в народной сказке наиболее полно проявляются особенности, свойственные жанру сказок в целом» [29; с. 3].

Литературный энциклопедический словарь дает следующее определение термину «сказка» – «повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [24; с. 382].

В трактовке сказки, данной Никифоровым А. Н., подчеркивается пребывающая функция сказки – ее устность: «Сказки – это устные рассказы, бытующие с целью развлечения, имеющие содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающиеся специальным композиционно-стилистическим построением» [27; с. 7].

Изучению сказки посвящены работы таких ученых, как Гримм Я., Гусев В. А., Костюхин В. А., Люти М., Медриш Д. М., Мелетинский Е. М.,

Познанский Н., Потебня А. А., Пропп В. Я. Так, Пропп В. Я. в своем труде «Морфология сказки» отсылает к фольклористике по той причине, что фольклорная сказка является архежанром для литературной сказки.

Длительная история становления и развития жанра сказки привела к разноплановости, изменчивости и нечеткости ее границ. В науке выделяют народную и литературную сказку, которые зачастую имеют форму повести, романа, эпического произведения или поэмы. Однако, несмотря на такое разнообразие форм, сказка воспринимается как отдельный жанр со своими особенностями.

Будучи одним из основных жанров фольклора, сказка часто рассматривается совместно с мифом, сказом и легендой. Однако отождествлять их было бы ошибочно. Если сказ повествует о реальных событиях, а в основе легенды лежит чудо, то сказка «отличается именно установкой на вымысел» [24; с. 382]. С точки зрения хронотопа, время событий, описываемых в легенде, известно. Так, сюжет мифа развивается в доисторический период, время сказочных событий неопределенно. Главными действующими лицами сказов являются неизвестные люди, в мифах же повествуется о богах, а в легендах – о героях. Исследователь сказки Пропп В. Я. рассматривал сказку через ее специфические черты. По определению ученого, сказка – это, «во-первых, повествовательный жанр с устной формой бытования. Во-вторых, сказка имеет своей целью развлечение и назидание. В-третьих, в основе сказки лежит необычное (фантастическое, чудесное или житейское) событие. И, наконец, в-четвертых, сказка имеет особое композиционно-стилистическое построение» [30; с. 58].

Ладисова Н. М. [23] в диссертации кандидата филологических наук «Экспрессивность как элемент системы стиля английской литературной сказки» выделяет следующие ее признаки:

- 1) наличие повествования;
- 2) установка на развлечение;

- 3) особая форма построения;
- 4) устойчивая поэтика: определенные композиционные приемы – зачины, концовки, присказки;
- 5) определенная система художественных средств, которые приобретают в сказке особые поэтические функции
- 6) сочетание в сказке двух противоречивых реалий;
- 7) практически все сказки имеют границы, которые отделяют их волшебный мир от нашего реального мира [23; с. 11].

Однако большинство исследователей заостряют внимание на устной форме бытования сказки как ее типичном признаке. Даже изданные произведения насыщены указаниями на устную форму:

- 1) в заглавии («Сказка о попе и о работнике его Балде»);
- 2) через устойчивые речевые обороты (Х.К. Андерсен часто начинает свои сказки словами «Ну, где же мы остановились?»);
- 3) через лингвистические особенности рассказчика;
- 4) в зачинах, отступлениях и концовках, где описывается обстановка ведения повествования;
- 5) через иллюстрации (богатая дама, выступающая перед взрослой аудиторией);
- 6) через лаконичность повествования.

Начиная с XVIII века, в литературе активно обрабатываются русские фольклорные сюжеты, создаются тексты сказок с оригинальным авторским сюжетом.

Литературная сказка – это «повествовательный жанр с волшебно-фантастическим сюжетом, с персонажами реальными и (или) вымышленными, с действительностью реальной и (или) сказочной, в которой по воле автора поднимаются эстетические, моральные, социальные проблемы всех времен и народов» [24; с. 356]. Литературная сказка является логическим продолжением народной сказки.

В авторском произведении присутствуют реалии настоящего. Рассматривая композицию сказочного текста, ученые-литературоведы отмечают, что в народной сказке присутствуют все композиционные элементы, а в литературной сказке нет устойчивого строения, что позволяет ей быть написанной в форме сказочной повести или сказочного рассказа.

Поэтика народной сказки является традиционной. В ней наблюдается минимальный набор изобразительно-выразительных средств. Помимо этого в фольклорных текстах часто бывают устаревшие слова и выражения. Например, в литературной сказке поэтика осуществляется посредством писательской манеры автора. Доброницкая Т. В. отмечает «большую эмоциональность, живость языка литературной сказки» [10; с. 11].

Опора литературной сказки на фольклорные традиции, желание большинства писателей сказок к канонам и формулам народного произведения делают возможным единство народной и авторской сказки в одном литературном жанре. Уткина Т. В. дает вариант развития сказки от фольклора до авторской: народная (или фольклорная) сказка – «фольклористическая» сказка – литературная (или авторская) сказка – писательские пересказы [42; с. 8].

Жанр сказки не имеет четких границ, в связи с чем ее классификация недостаточно изучена. В современном литературоведении принято делить сказки на три группы:

- 1) сказки о животных;
- 2) волшебные сказки;
- 3) бытовые сказки.

Главная особенность бытовой сказки заключается в воспроизведении в ее основе обыденной жизни. Конфликт состоит в том, что такие качества, как честность, порядочность и благородность противостоят злобе, зависти и жадности.

Среди бытовых сказок выделяются сатирико-бытовые, социально-бытовые, новэллистические и другие. Они содержат весомый элемент нравственной и социальной критики.

По мнению Зуевой Т. В. и Кирдана Б. П., «в бытовых сказках выражениной взгляд на человека и окружающий его мир. В основе их вымысла лежат не чудеса, а действительность, народный повседневный быт» [13].

События бытовой сказки разворачиваются в одном пространстве – условно реальном, но они невероятны: поп садится на тыкву, чтобы высидеть из нее жеребенка, девушка узнает в женихе разбойника и уличает его.

Иногда в бытовых сказках появляются такие персонажи, как черт, Доля или Горя, но их значение состоит «только в том, чтобы выявить реальный жизненный конфликт, лежащий в основе сказочного сюжета» [13].

Сюжет бытовой сказки развивается благодаря столкновению героя со сложными жизненными обстоятельствами, а не с волшебной силой. Персонаж выходит из безнадежных ситуаций, потому что его главный помощник – это счастливое стечение обстоятельств. Главными чертами характера является смекалка и изворотливость. Бытовые сказки воспевают в действующих лицах ум, самостоятельность, активность и смелость.

Для бытовой сказки характерно краткое изложение повествования, разговорная лексика и диалог. Специфика жанра не предусматривает художественно-изобразительных средств в текстах.

Композиционно бытовая сказка содержит зачин, который «по происхождению является архаичным», некоторые сказочники завершали свое произведение «рифмованными концовками» [13]. Но такое решение не является обязательным для бытовых сказок, многие из них начинаются с завязки и завершаются последним штрихом сюжета.

Зуева Т. В. и Кирдан Б. П. в работе «Русский фольклор» приводят приблизительный подсчет бытовых сказок, среди которых они выделяют сказки новеллистические и анекдотические. Так, исследователи пишут: «в русском фольклоре сюжетов анекдотических сказок – 646, новеллистических – 137. Среди многочисленных анекдотических сказок имеется много сюжетов, неизвестных другим народам» [13].

Таким образом, под сказкой понимается жанр литературы с вымышленным сюжетом, действительной или сказочной реальностью, где автор поднимает моральные и социальные проблемы. Литературоведы выделяют волшебные, бытовые сказки и сказки о животных. Бытовую сказку отличает взятая за основу обыденная жизнь. Главным героем может стать любой человек, точных композиционных рамок в бытовой сказке нет, ее насыщают простая лексика и диалоги. Главный герой проявляет такие качества, как ум, смекалка, активность и самостоятельность.

Выводы по 1 главе

Эмоции стали объектом изучения ученых еще со времен греко-римской цивилизации. Они являются неотъемлемым компонентом мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к лингвокультурной группе. Эмоции любого языкового сообщества социальны и психологизированы, т.е. обобщены национальным опытом народа. Они выступают индивидуальной формой оценивания окружающей среды и влияют на специфику регулирования межличностных отношений в социуме.

Гнев является одной из базовых реакций, представляющих собой ответ на внешний раздражитель. Важнейшая задача гнева – это устранение или быстрое обесценивание источника раздражения. Он может быть активирован мыслями, действиями и чувствами, но главным его выражением является слово.

Многие слова не только называют понятия, но и обладают оценочным компонентом, а следовательно, и экспрессивностью. Под эмоционально-оценочной лексикой понимается лексическая единица, содержащая в своем значении элемент оценки. Эмоциональная окраска слова может выразить как положительную, так и отрицательную оценку, поэтому эмоциональную лексику называют оценочной (эмоционально-оценочной). Однако не все эмоциональные слова содержат оценку; в то же время слова, в которых оценка составляет само их лексическое значение, не относятся к эмоциональной лексике. Эмоциональная окраска у слова возникает в результате того, что само его значение содержит элемент оценки.

ГЛАВА 2. ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ГНЕВ В РУССКИХ БЫТОВЫХ СКАЗКАХ

2.1 Анализ языковых единиц, отражающих гнев в русской бытовой сказке

Эмотивно-оценочная лексика, репрезентирующая гнев в русской бытовой сказке многообразна. Наша картотека составлена методом сплошной выборки из 3-й книги «Сказки» [36] (социально-бытовые сказки), составленной Кругловым Ю. Г. Нами была рассмотрена 61 русская народная сказка социально-бытового характера о приключениях удачливого любовника и ловкого мошенника, об умном солдате, проучившем жадную старуху, о глупом попе и барине, жене-спорщице, собранная Афанасьевым А. Н.

Нам удалось выявить ряд лексических единиц, целью использования которых является выражение отрицательно окрашенного аффекта. Такими репрезентантами стали следующие слова и сочетания слов в количестве 59 единиц, в 113 употреблениях: *дурак (34), дура (3), каналья (2), курва (3), окаянный / окаянная (4), старый хрен (2), сукин сын (2), шкура (2), (экой) плут (2), старая чертовка (2), проклятый / проклятая (2), старый черт (1), дьявол длинноногий (1), (экая ты) рогатая скотина (1), собака (1), (этакой) вор (1), дармоед (1), олух (1), мошенник (1), мерзавка / мерзавец (2), старая ведьма (1), подлая (1), борода (1), подлец (1), (экой) гусь (1), ругала (1), била / бил (2), озлобилась (1), пеняй на себя (1), казнить смертью (1), ушибить до смерти (1), прибить (1), убил до смерти (2), свяжу тебя (1), авось в омуте останешься (1), доберусь до вас (1), (крепко) рассердился (3), схватил и ну таскать по избе (1), начал хлестать с уха на ухо (1), начал за бороду трепать (1), взбесился (1), давай понужать плетями (1), драли-драли (1), давай драть (1), плетями стегают (1), пойдёмте убьём (его) (1), вlepлю двести плетей (1), да будет*

анафеме предать (1), рвет и мечет (1), зарежу (1), не быть тебе живой (1), пойду с ними сделаюсь (1), (живо) разделаюсь (3), угощать кулаками (1), бранилась (1), изведу (1), изобью (1), утоплю (1), вспыхнула со злости (1).

Все вышеприведенные лексемы мы классифицировали по двум лексико-семантическим группам. В основу классификации нами было положено деление собранных лексических единиц на части речи:

- 1) группа «наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой, заложенной в семантике слова» представлена именной лексикой: существительные, прилагательные;
- 2) группа «пожелания зла, намерения наказать кого-либо, действия-угрозы» включает глагольную лексику.

В ходе анализа собранных нами данных удалось выявить, что наиболее многочисленную группу по количеству употреблений составляют *наименования лиц с подчеркнuto отрицательными характеристиками* (25 единиц в 73 случаях употребления):

- 1) глупый, несообразительный человек – дурак, дура, болван, неуч, тупица, олух и др.;
- 2) гнусный, коварный, подлый человек – мерзавец, подлец, негодяй, дьявол, сволочь, курва, шкура и др.;
- 3) пройдоха, хитрый человек – черт, плут, сукин сын, дармоед, мошенник, чертовка и др.

1. Наименования *глупого, непонятливого человека* в контексте русской социально-бытовой сказки представлены достаточно широко, например *дурак* (34 употребления).

Важно отметить, что одно и то же слово в разных речевых ситуациях может обладать неодинаковым коннотативным значением. Так, слово *дурак* в русской бытовой сказке выполняет несколько функций.

Во-первых, указывает на скромные умственные способности человека. Например, в сказке «Жена-спорщица» *дураком* называют героя, чьи действия противоречат здравому смыслу:

«Как стала она переходить по перекладинке, он и говорит: – Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь! – Так вот же нарочно буду! Тряслась, тряслась, да и бултых в воду. Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал её искать и идёт по воде в гору. – Что ты тут ищешь? – говорят ему прохожие мужики. – А вот жена утонула, вон с этой перекладинки упала! – Дурак, дурак! Ты бы шёл вниз по реке, а не в гору; её теперь, чай, снесло. – Эх, братцы, молчите! Она всё делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды» [36; с. 447].

Если в приведенном фрагменте текста, используя слово *дурак*, прохожие мужики выражают некоторую насмешку в адрес героя, которая стала реакцией на увиденное, ведь ранее в тексте лексема с отрицательной окраской не употребляется, то в сказке «Дурак и береза» семантическое поле слова расширяется. Дураком также называют глупого человека, но эта характеристика уже вынесена в заголовочный комплекс текста и прямо прописана:

«В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, у него было три сына: двое – умных, третий – дурак» [36; с. 398].

Можно сказать, что рассматриваемое нами слово является здесь эквивалентом имени собственного или эмблемой, которая отсылает читателя к традиционному для русского фольклора образу дурака (Иван-дурак в сказке «Сивка-бурка», Емеля-дурак в сказке «По щучьему веленью»), отличительной чертой которого является умалишенность, ограниченность. Например, в Толковом словаре русских существительных Бабенко Л. Г. в определении слова *дурак* также подчеркнуты отрицательные характеристики: «так говорят о человеке глупом, тупом, ограниченном» [4; с. 311]. В Толковом словаре русского языка [39] лексема *дурак* имеет три значения: 1. Глупый человек, глупец. 2. В

старину придворный или домашний шут. 3. О карточной игре: в дурака [41]. Реализацию первого значения слова мы наблюдаем во всех примерах из нашей картотеки, но в 15 из 33 случаев употребления данная лексема репрезентирует гнев говорящего, то есть содержит не только оценочный компонент (о способностях ума), но и эмоциональный, что наблюдается в сцене из сказки «Дурак и береза», где гнев братьев по отношению к младшему – дураку – вызван испугом:

«Вдруг попадается им навстречу дьячок. «Что вы, ребята, из лесу тащите?». Умные говорят: «Грибы». А дурак поперечит: «Врут они! Мы деньги несем; вот посмотри!». Дьячок так и ахнул, бросился к золоту и давай хватать пригоршнями да в карман, совать. Дурак рассердился, ударил его топором и убил до смерти. «Эх, дурак! Что ты наделал? – закричали братья. – Сам пропадешь и нас загубишь! Куда теперь мертвое тело девать?» [36; с. 399].

Таким образом, в русской бытовой сказке лексема *дурак* всегда имеет отрицательное значение, но в определенном контексте она не только называет глупого человека, но и является репрезентантом эмоции гнева – это вторая функция слова. Отметим, что в тексте может наблюдаться как пересечение ролей (оценка + эмоция) данной лексической единицы в рамках одного употребления, так и самостоятельное функционирование первой (оценка), а эмоция гнева может быть выражена другим номинантом.

Так, в сказке «Любитель сказок» мы снова видим трех братьев, третий из которых назван дураком. Слово *дурак* в этом тексте употребляется четыре раза и указывает только на слабость ума героя, а негативное отношение к нему выражается с помощью слова (*экой*) *гусь*:

«Воротился парень к братьям и рассказывает, что не мог найти. «Экой ты гусь! Разве мне пойти», – говорит середний брат. Пошел, и с ним случилось то же самое. «Ну, дурак, ступай теперь ты». Поплелся дурак –

стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке – седой старик» [36; с. 566].

В Толковом словаре Ушакова Д. Н. [43] отмечается, что слово *гусь* имеет два значения (крупная водяная птица; самоедская одежда из оленьего меха), но также употребляется в переносном значении, когда говорящий так называет человека, при этом указывая на неоднозначность отношения к нему, что реализовано в приведенном фрагменте текста.

Особенностью репрезентации гнева словами лексико-семантической группы «наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой» является употребление с ними местоимения *этой* (*экой*), например:

«Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплелся к жене; а мужик уж давно дома» [36; с. 494] – гнев + досада;

«Экой ты гусь! Разве мне пойти», – говорит середний брат» [36; с. 567] – гнев + насмешка;

«<...>если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить: — Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!» [36; с. 242] – гнев + удивление.

Так, в Малом академическом словаре под редакцией Евгеньевой А. П. [37] данные местоимения отнесены к разговорному стилю речи со значением «вот какой, смотри какой (при указании на что-л. вызывающее удивление, досаду, иронию, насмешку и т. п.). [Счастливец]. По деревне собак пропасть. Экой народ проклятый! Самим есть нечего, а собак развели. А. Островский, Лес» [37].

Следовательно, функционирование данных форм указательного местоимения в русской социально-бытовой народной сказке закономерно. Данная единица в сочетании со словом, репрезентирующим гнев,

усиливает отрицательно окрашенный аффект и вносит дополнительные эмоции.

Наряду со словом *дурак* в сказке встречается однокоренное слово *дура*, с помощью которого выражается отрицательное отношение к женщине. Проиллюстрируем сказанное примерами:

«Сами видите, какая беда надо мною стряслась: разбила кувшин с молоком! – И опять принялась выть. – Экая дура, нашла о чем плакать! – говорят солдаты, и поехали дальше» [36; с. 338];

«Нарядила в свою шубу и дала повозку с парюю лошадей». – «Да откуда мужик-то?» – «Не знаю, голубчик!» – «Это, выходит, не мужик – дурак, а ты – дура!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на иноходца и поскакал в погоню» [36; с. 493].

В толковом словаре Ожегова С. И. приводятся два значения слова *дура*: 1. Глупая женщина (обычно бран.); 2. В старину придворная или домашняя шутиха [28]. В приведенных нами фрагментах текста описаны бытовые ситуации, когда говорящий, употребляя слово *дура*, указывает тем самым на глупость женщины, абсурдность её поведения и свое отношение к происходящему.

Таким образом, однокоренными словами *дурак* и *дура* в русской бытовой сказке называются слабоумные, глупые люди, поведение которых противоречит законам привычной человеческой логики. Эти лексемы, как правило, употребляются в семейных или социальных конфликтных ситуациях и передают состояние гнева, но могут являться и заместителями имени героя, как это происходит, например, в сказках «Дурак и береза», «Иванушка-дурачок». В этом случае мы говорим о нескольких функциях лексемы *дурак* в тексте: во-первых, выражение оценки, во-вторых, репрезентация отрицательной эмоции.

2. Наименования *подлого, гнусного, коварного человека* в русской бытовой сказке представлены следующими лексемами: *окаянный, подлец, подлая, мерзавка, курва, шкура, скотина рогатая, собака*.

Слово *окаянный* встретилось в 4 случаях употребления по отношению к героям мужского пола, например:

«Уж думал он без горшка сходить к царю, да обдумался: «Нехорошо, слышь, я приду к нему один, без горшка». Сызнова воротился. – Ну, – говорит, – давай горшок: вот тебе сто рублёв. – Нет, он стоит теперь полторы сотни рублёв, – говорит горшеня. – Ах ты, окаянный! – Нет, я не окаянный, а меньше не возьму» [36; с. 78].

Обратимся к толкованию лексемы *окаянный*. В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой мы находим следующее определение слова: 1. Отверженный, проклятый (устар.); 2. Употребляется как бранное и осудительное слово (прост.) [28, 62].

В контексте данной сказки реализуется второе значение слова. Окаянным здесь назван горшечник (горшеня – устаревшая форма), который требует слишком высокую цену за товар и не уступает покупателю. Именно эти действия героя вызывают негативную реакцию у собеседника и осуждаются.

Интересно функционирование данной лексемы в сказке «Скупой свекор», где слово *окаянная* с окончанием *-ая*, характерным для слов женского рода, произносится в адрес героя мужского пола:

«Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок – скрипит! А гость еще с вечера припас про него большой ременный кнут; как вытянет свата раз, другой, третий – сам бьет да приговаривает: – Брысь, окаянная, брысь! Пришлось старику не евши спать» [36; с. 522].

Из контекста становится ясно, что такая форма слова не является ошибочным употреблением, ведь старик, подобно кошке, которая совершает шалость, тайно ползком пробирается к сундуку. Доказательством того, что героя принимают за домашнее животное, является повторяющееся междометие «брысь» – «окрик, которым прогоняют кошку» [43].

Ранее мы упомянули о двух смыслах слова *окаянный* и привели пример его употребления как бранного, но в русской социально-бытовой сказке встречается случай, когда значения этой лексической единицы пересекаются: она выступает синонимом слова «грешный» (отступивший от праведной жизни) и репрезентирует отрицательную эмоцию говорящего:

«Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе! – Ах ты, окаянный, что выдумал – вонючего козла хоронить!» [36; с. 229];

«Надоело старику. «Буде, владыко, пора деньги за свинью платить!» [36; с. 306] – «Ах, окаянный, и впрямь в тебе бес сидит, – говорит архиерей, – вишь про свинью поминает»[36; с. 306]. – «Что ты, владыко, али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу» [36; с. 306];

«Одна баба, ставя по праздникам свечу перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш. – Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному» [36; с. 312].

Мы наблюдаем, что слово *окаянный* включается в религиозный контекст, о чем свидетельствует использование слов *бес*, *архиерей*, *поп*, *свеча*; отсылка к образу христианского святого Георгия Победоносца и змия, которого великомученик, согласно житийной литературе, пронзает копьем.

Семантически близкой слову *окаянный* является лексическая единица *проклятый*, «употребляемая как эмоционально-бранное обозначение чего-нибудь противного, дурного, мешающего» [43]:

«Поп просто взбесился: «Послушай, проклятый! Как ты это вздумал принести духовному отцу медный пятак! Смеешься, что ли?» [43; с. 242].

Так, в бытовой сказке «Жадный поп» данное слово репрезентирует гнев православного священника, что позволяет сделать вывод о частотном

использовании лексем *окаянный* и *проклятый* в текстах, где героями являются священнослужители, изображенные, как правило, сатирически.

К группе слов, имеющих связь с христианской тематикой, можно отнести и такие наименования, как *черт*, *дьявол*. В собранной нами картотеке они не являются частотными, а встречаются лишь в двух случаях употребления:

«Эх, старый черт, не вытерпел; подавай из спины три ремня...» [36; с. 559];

«Тима давай пихать мертвеца ногами: «Ах ты, дьявол длинногривый, прежде меня успел назад прибежать» [53; с. 217].

Нужно заметить, что с принятием христианства слово *черт* (в старом написании – чортъ) стало употребляться в качестве синонима иудейского Сатаны и низших демонов. В свою очередь лексема *дьявол* в толковом словаре Ушакова Д. Н. относительно религиозного представления определяется как злой дух, чорт, сатана с пометкой «бранное слово» [43]. Таким образом, лексемы *черт* и *дьявол* мы рассматриваем в качестве синонимов и отмечаем, что в контексте русской бытовой сказки они являются ругательствами и выражают отрицательный аффект, тогда как в современном мире, например, слово *черт* лишилось яркой негативной коннотации. Также отметим, что в обоих примерах со словом, репрезентирующим гнев, употребляется прилагательное, с чем ранее мы уже сталкивались. В контексте сказок «Не любо – не слушай» и «Хитрая жена» слова *старый* и *длинногривый* указывают на существенные приметы героев, о которых идет речь: лексема *старый* подчеркивает преклонный возраст персонажа, а лексема *длинногривый* – внешнюю особенность – длинные волосы: в сказки идет речь о драке монаха и молодого парня, где второй «ухватил монаха за волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон» [36; с. 216].

В группу слов, называющих *подлого человека*, входит также лексема *каналья*, репрезентирующая гнев, направленный на женщину. Рассмотрим пример:

«Мужик обрил бороду и говорит: «Смотри, жена, как я чисто выбрился». – «Да разве это брито? Это так только – стрижено!» – «Врешь, каналья! Говори: брито!» – «Нет, стрижено!» – «Я тебя изобью; говори: брито». – «Нет, стрижено». Муж побил жену...» [36; с. 448].

В данной сказке слово *каналья* употребляет мужчина, который разгневан поведением своей жены. В словаре Даля В. И. мы находим следующее толкование лексемы *каналья* – бранное франц. бездельник, негодяй, мерзавец, продувной мошенник [9]. Именно это значение слова реализовано в сказке «Брито-стрижено».

Примечательно, что в русской социально-бытовой сказке *каналей* называют не только женщину, но и мужчину, при этом значение лексемы сохраняется:

«Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно, и не чистил их!» [36; с. 148].

Посредством лексем *мерзавка*, *курва*, *шкура* репрезентируется гнев мужчин к женщинам, но в сказке «Купеческая жена и приказчик» описана игровая ситуация, когда старый купец переодевается в женское платье и отправляется к молодому возлюбленному своей жены, который и называет его безнравственной женщиной:

«Не ходи, мерзавка, не срами меня! Я ни за что не соглашусь на такие пакости» [36; с. 463].

Вульгаризмами *курва* и *шкура* в сказке «Хитрая жена» названа молодая девушка, главное качество которой вынесено в название произведения – она хитра. Бранными словами её называет муж, но выражают они мнимый гнев, ведь супруги разыгрывают сцену разоблачения измены с целью получения денег – так ловкая на выдумку девушка решает материальные трудности небогатого мужа:

«Монах вынул деньги и отдал сто рублей. Хозяйка взяла, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито: «Эй, шкура! Отпирай двери!» [36; с. 216] Монах испугался: «Что такое?» [36; с. 216] – «Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяный» [36; с. 216];

«Он вошел и закричал: «Что, курва, намочила ль кожи?» – «Намочила, голубчик!» – «Врешь» – «Да хоть сам посмотри» [36; с. 216].

3. Группа языковых единиц, обозначающих *пройдоху, хитрого человека*, представлена следующими наименованиями:

Слово *плут* встретилось в двух русских бытовых сказках:

«Наутро хватился барин – нег сапогов; послал за Иваном: «Ты унес мои сапоги?» – «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!» – «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» [36; с. 291];

«На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп приедет, переделся женщиной, взял пресницу и сел под окошко, сидит да прядет. Вдруг поп: «Бог в помочь!» – «Добро жаловать!» – «Дома шут?» – «Нету, батюшка!» – «Где же он?» – «Да ведь он, батюшка, с тобой вчерась пошутил да после того и дома не бывал». – «Экой плут! Видно, назавтрее приезжать» [36; с. 275].

В «Этимологическом словаре русского языка» Фасмера М. [44] отмечено, что слово *плут* происходит от глагола плутать «путать», то есть нарушать порядок в чем-либо. Плутлом же называют человека нечестного в отношениях с другими людьми, то есть обманщика. Именно такими предстают герои рассмотренных нами сказок, один из которых обворовал барина и пытается скрыть это за витиеватыми фразами, а другой намеренно обманывает попа, выдавая себя за женщину.

Отметим, что в сказке «Ангел с небеси», фрагментом из которой мы ранее проиллюстрировали функционирование слова *плут* в русской бытовой сказке («Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» [36; с. 291]), героя по имени Иван называют не только плутом и мошенником, но и *дармоедом* – словом с отрицательной коннотацией. Так

характеризует Ивана его барин, который возмущен нежеланием героя помогать своим старым родителям. Будучи взрослым мужчиной, Иван находится на иждивении у пожилых людей и не стремится заработать себе на жизнь, а лишь нагло приказывает отцу и матери:

«А коли кормили до бороды, кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына» [36; с. 291].

Становится ясно, что Иван ведет себя так намеренно, мы усматриваем в его действиях плутовской расчет, а потому относим лексему *дармоед*, звучащую в контексте данной сказки, к группе слов «пройдоха, хитрый человек».

Нечестных героев в социально-бытовой сказке называют также ***ворами***:

«Поп потужил-потужил и пошел домой. Попадья встречает: «Что, батька, купил семь сел, семь деревень?» – «Каких, свет?» – «Как же, Фомка-шут от тебя приезжал да семьсот рублей денег взял!» – «Ах он, вор этакой! Нечего сказать: славную сшутил шутку!» [36; с. 279].

В сказке «Фомка-шут» мы также наблюдаем сцену обмана, но уже неявного. Хитрый Фомка вводит в заблуждение попадью, которая сама отдает ему деньги, вором же его называет поп. Таким образом, с помощью лексемы *вор* констатируется сам факт кражи денег и репрезентируется отрицательная эмоциональная реакция на происходящее попа, которая усиливается местоимением «этакой».

Для репрезентации гнева по отношению к хитрому человеку используют также словосочетание ***сукин сын***:

«– Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!» [36; с. 243].

В словарях зафиксированы следующие значения данного выражения:

1. Грубо-прост. 1. Бранное выражение, употребляемое клипу мужского пола.
2. Фамильярно-грубоватая характеристика близкого человека, чаще выраженная в форме обращения [45];

2. Прост. Бран. О человеке, вызывающем возмущение, негодование [6].

Как можно заметить, во всех словарных статьях отмечается, что данное выражение является бранным и используется в тех случаях, когда чье-либо поведение вызывает у говорящего раздражение, недовольство. В сказке «Жадный поп» сукиным сыном назван солдат, который украл у духовного отца сапоги, что и вызвало гневные чувства у последнего. Как отмечалось ранее, церковники в русских бытовых сказках, как правило, предстают в сатирическом изображении, что наблюдается и в данном фрагменте: ситуация, когда священнослужитель позволяет себе употребить такое грубое выражение, является абсурдной.

Хитроумную женщину в русском бытовом фольклоре называют *старой чертовкой* или *старой ведьмой*, где прилагательное указывает на возраст героини. Рассмотрим примеры:

«Пошли искать – где бы им ночь переспать; шли, шли и увидели избушку. «Эва! Бог ночлег послал; зайдем сюда», – говорит солдат. Входят они в избушку; там сидит старуха. «Здорово, бабушка!» – «Здорово, служивый!» – «Давай нам пить да есть!» – «Сама бы съела, да нечего». – «Врешь ты, старая чертовка!» – сказал солдат и стал в печи да по полкам шарить; глядь – у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено» [36; с. 370];

«Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: – Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть. А старуха в ответ: – Вот там на гвоздике повесь! – Аль ты совсем глуха, что не чуешь? – Где хошь, там и заночуешь! – Ах ты старая ведьма! Я те глухоту-то вылечу! – И полез было с кулаками. – Подавай на стол! – Да нечего, родимый!» [36; с. 485].

В обеих сказках описана ситуация обмана со стороны пожилых женщин и негативная реакция солдат на происходящее. Мы видим, что в обоих примерах герои приходят к старушкам с добрыми намерениями: они

обращаются к ним «бабушка», «божья старушка», что говорит об уважении к пожилому человеку. Но, как оказывается, старушки не так уж просты. Если в первом фрагменте текста пожилая женщина лишь скрывает, что у неё есть припасы, то во втором – героиня ещё и притворяется глухой; далее она также утверждает, что есть у неё нечего, но её обман вскрывается, когда солдат начинает варить кашу.

Далее мы переходим к рассмотрению лексико-семантической группы *«пожелания зла, намерения наказать кого-либо, действия-угрозы»* вербализуемые через глагольную лексику. Одним из её отличий от группы *«наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой»* является то, что в ней репрезентация гнева происходит не только через прямую речь героя, в которой мы и находим негативно окрашенные лексеммы, но и через авторские ремарки, сопровождающие действие персонажа и указывающие на его эмоциональное состояние. Авторские пояснения и собственно высказывания героев с семантикой гнева, представленные через глагольную лексику, представлены в собранной нами картотеке в равной степени.

Данная группа представлена как одиночными лексемами, так и высказываниями, репрезентирующими гнев.

Рассмотрим функционирование одиночных лексем с семантикой гнева в русских бытовых сказках.

Озlobилась – данным словом описывается эмоциональная реакция мачехи на приезд пасынка, что говорит о негативном отношении героини к нему:

«Явился к отцу; мачеха видит, что из него вышел бравый солдат и что все к нему с почтением, озlobилась ещё пуще, сварила лютого зелья, налила в стакан и стала его потчевать» [36; с. 68].

В энциклопедическом словаре (2009) зафиксированы следующие значения слова: 1. Стать злобным, злобно настроенным ко всему окружающему; 2. Разг. Прийти в сильное раздражение, почувствовать

злобу против кого-л. [54]. По нашему мнению, данные определения объединяет направленность отрицательной эмоции вовне, что прослеживается и в примере, но чувство злобы мачехи к пасынку перерастает в более сильное чувство ненависти. Она варит «лютое» (очень сильное, причиняющее мучения) [28] зелье, с помощью которого хочет не только нанести вред здоровью героя, но и умертвить его: по сюжету бытовой сказки от этого ядовитого отвара умирают разбойники и другие персонажи.

Лексема (*крепко*) *рассердился* функционирует в трех случаях употребления. По толковому словарю Дмитриева Д. В. данный глагол означает, что человек, который сердится, выказывает кому-либо своё раздражение, негодование, гнев [41]. В этом значении слово употребляется в русских бытовых сказках:

«Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе!» [36; с. 229];

«И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать» [36; с.229];

«Рассердилась баба – и рвет, и мечет, и слезами заливается [36; с. 350]: «Зачем ты мне не поверил? Я б получше твоего припрятала!» [36; с. 350].

Отметим, что лексема *рассердился* (*рассердилась*), указывающая на гневное эмоциональное состояние, в первых двух примерах предваряет проявление отрицательного аффекта в физическом плане: герои сначала сердятся, после начинают применять физическую силу (о попе и дьячке, которые таскают и треплют старика за бороду).

В третьем же примере мы видим сердитую женщину, раздраженное состояние которой подчеркнуто употреблением в пределах одного предложения не только лексемы *рассердилась* с отрицательным значением, но и фразеологического выражения «*рвать и метать*», которое означает буйствовать, «неистовствовать в состоянии негодования, озлобленности» [6]. Но, в отличие от героев мужского пола, которые переносят свой гнев

на другого героя с помощью рукоприкладства, она никому не причиняет физической боли, а сама заливается слезами, то есть сильно, долго и безутешно рыдает [45]. По этой причине мы должны сделать следующее уточнение: в собранной нами картотеке лексемы, репрезентирующие гнев женщин, нечастотны; подавляющее большинство примеров иллюстрируют гневное состояние именно мужчин. Женщины же в рассмотренных нами сказках *сердятся (1)*, *бранятся (1)* и могут *вспылить со злости (1)*:

«Жена спрашивает: – Муж, чьи это гуси? – Барские. – Как – барские! Вспылила со злости, пала на пол» [36; с. 449];

«Бывало, он скажет: «Бритое», а уж она непременно кричит: «Стриженое!» Всякий день бранилась! Надоела жена мужу» [36; с. 447].

Во фразеологических словарях нам не удалось найти выражение *вспылить со злости*, но в справочниках такого типа зафиксировано похожее сочетание *лопаться от злости* со значением быть в состоянии гнева, сильного раздражения [45]. Можно заметить, что в русском бытовом фольклоре происходит замена компонентов устойчивого словосочетания с сохранением смысла. Если рассматривать одиночную лексему *вспылить*, то можно найти следующее её объяснение: «внезапно раздражиться, рассердиться, вспыхнуть гневом» [43]. Таким образом, в сочетании *вспылить со злости* происходит соединение близких по семантике слов, но в рамках художественного текста речевую избыточность можно рассматривать как средство выразительности, с помощью которого достигается эффект реального, спонтанного рассказывания бытового случая из жизни. Сюда же можно отнести и выражение «*угощать его кулаками*» [36; с. 415], которое также не зафиксировано в словарях, но имеет узуальный эквивалент «*накормить кулаками*» [45] со значением избивать кого-либо, или употребляется с прилагательным «*угостить святым кулаком*» [6], но уже выражает иронию, которую в контексте сказки мы не наблюдаем:

«Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, а я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать – во как умаялся! – Постой, еще не так умаешься! – говорят братья и давай угощать его кулаками» [36; с. 415].

В русских бытовых сказках мы также находим лексемы и лексические сочетания, обозначающие прямую угрозу кому-либо, вызванную гневным состоянием. Например: *прибью, доберусь до вас, влеплю двести плетей, зарезу, не быть тебе живой, (живо) разделаюсь, утоплю, избыю, изведу*.

Обратим внимание на то, что все слова и словосочетания употребляются в сказках в форме будущего времени, что предполагает отсроченное совершение действия, а именно наказания за что-либо. Интересно, что слово-угроза реализуется в будущем лишь в двух сюжетах:

- 1) когда герой угрожает побить плетями другого персонажа, но здесь это происходит косвенно, так как в конце сказки «Ангел с небеси», действительно, есть сцена, в которой прохожие ударяют березовыми прутьями человека, но совершенно не того, кому была адресована угроза;
- 2) когда в сказке «Дурак и береза» герой после угрозы в адрес дерева, рубит его топором:

«На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит. «Нет, земляк, коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь!» Как хватит ее топором – так щепки и посыпались во все стороны» [36; с. 399].

Так, в рассмотренных нами примерах, угрозы, вербализуемые через глагольную лексику, либо не воплощаются героями в реальное действие, либо в тексте недостаточно сведений для того, чтобы утверждать это:

«Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились – кто куда попало. А Тима им вдогонку: «Вот я до вас доберусь! Лови их! Держи их! Тем дело и кончилось» [36; с. 218].

Можно заметить, что и угроза, и следующие после неё глаголы *лови* и *держи* стоят в форме будущего времени; на этих словах сказка заканчивается, поэтому мы можем лишь предполагать, что случилось с монахами, были ли они пойманы и наказаны.

Таким образом, проанализировав картотеку, мы пришли к выводу о том, что лексические единицы русского языка разнообразны. С помощью слова можно описать окружающий мир, выразить мысли и чувства. На материале русского бытового фольклора мы проследили, как может изменяться состояние человека от легкого негодования до гнева и ярости, находясь в которой герои не только употребляют эмоционально окрашенные слова с отрицательной коннотацией, обзывая кого-либо, но и применяют физическую силу по отношению к человеку как к источнику гнева.

2.2 Репрезентация гнева в языке: данные ассоциативного эксперимента

С целью всестороннего изучения феномена языкового сознания, его структуризации и моделирования нами был проведен ассоциативный эксперимент. В качестве основополагающего выбран свободный ассоциативный эксперимент, которые предполагает полное отсутствие каких-либо ограничений для испытуемых, а на слово-стимул они отвечают первым пришедшим на ум словом-реакцией. Фрумкина Р. М. указывает на принципиальный характер инструкции отвечать первым словом, которое придет на ум: «Ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно – испытуемый не должен размышлять над тем, что бы ему такое сказать и как отреагировать. Само понятие ассоциативного процесса

исключает идею отбора ответов. Если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле» [46; с. 190-191].

Методика проведения свободного ассоциативного эксперимента представлена следующим образом: испытуемым индивидуально предъявлялись слова-стимулы, на которые в соответствии с инструкцией необходимо реагировать первым пришедшим на ум словом-ассоциацией.

В данном исследовании приняли участие 43 человека, из них 30 человек – студенты в возрасте от 20 до 23 лет и 13 человек – люди от 40 до 65 лет. Словом-стимулом стало существительное «гнев», к которому испытуемые должны были написать по 3 слова или словосочетания, вызывающие ассоциации к его значению.

Анализ ассоциативного эксперимента (рис. 1) показал, что чаще всего используются имена существительные (42 примера), словосочетания (5 примеров) и имена прилагательные (4 примера). Также был выделен один пример личного местоимения и наречия. Замечено, что в большинстве ассоциативных полей единичные ассоциаты стабильны, изменения в содержательной части нестабильны, и связаны, по нашему мнению, с личностью испытуемого и его жизненным опытом.

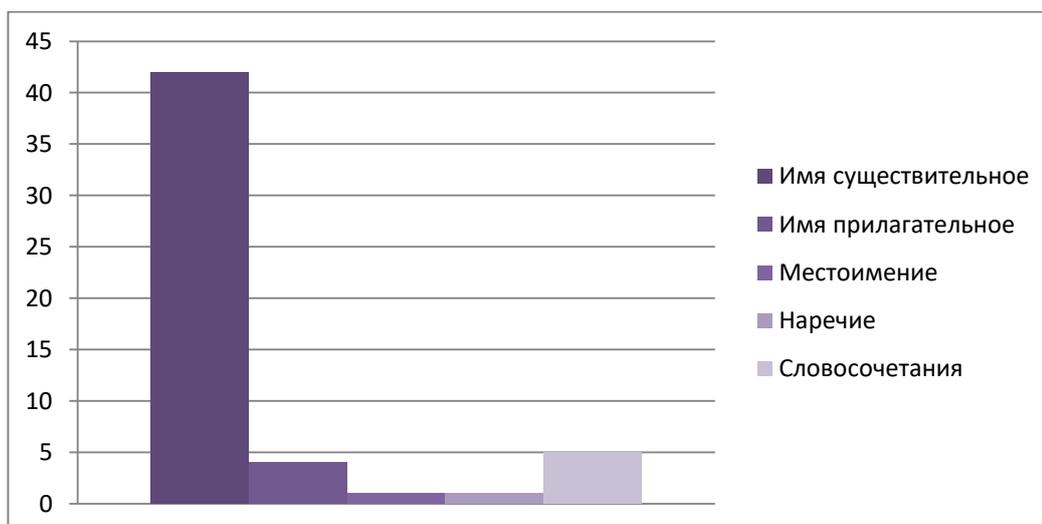

Рисунок 1 – Чести речи и синтаксические конструкции

Среди имен существительных выделяются нарицательные имена существительные (39 примеров): *люди, ссора, вулкан, взрыв, крик, страх, боль, ужас, молния, ярость, зло, убийство, пелена и др.*; *собственные имена существительные: Катя, Воланд.*

Диаграмма наглядно показывает (рис. 2), что наиболее употребительными ассоциациями к слову гнев выступают такие нарицательные существительные: злость (11 примеров), ярость (9 примеров), крик (8 примеров), зло (3 примера) и боль (2 примера).

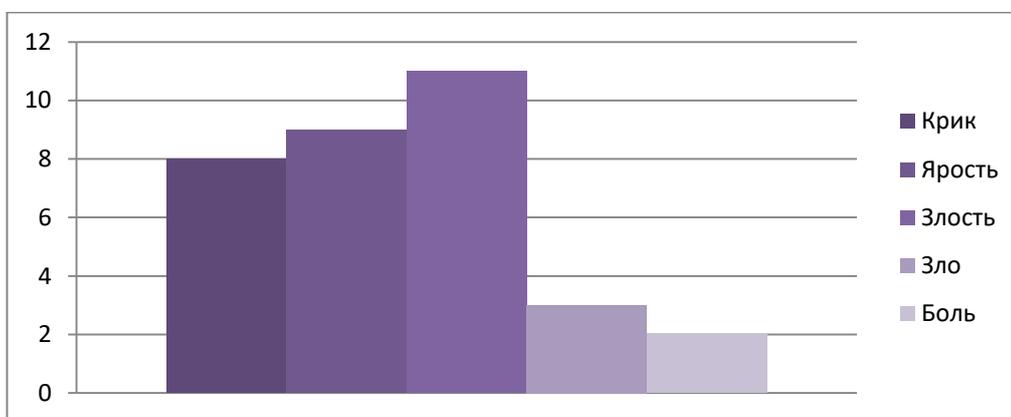

Рисунок 2 – Ассоциации к слову «гнев»

Итак, под гневом опрошенные подразумевали сильную эмоциональную реакцию на негативное событие, выражающуюся в желании причинить вред, психомоторную активность и внутреннее переживание.

Отметим результаты одного полученного ответа. Так, женщина в возрасте от 30 до 45 лет к слову «гнев» написала следующие ассоциации: Катя, бардак, ремонт. Тем самым мы можем сделать вывод, что на момент проведения эксперимента у женщины дома шел ремонт, который вызывал в ней негативные эмоции. А существительные «Катя» и «бардак» заостряют внимание на жизненных обстоятельствах испытуемого.

Среди опрашиваемых студентов не было такого слова, как «бессилие», однако оно встретилось в ответах женщины от 30 до 45 лет. Это наводит нас на мысль о том, что на ответ повлиял социальный статус опрашиваемого. Среди студентов встречались слова «университет», «институт», «плохое настроение». Это связано со временем проведения эксперимента. Так как опрос происходил на первой-второй парах, то на ответ влияло настроение и окружающая среда опрошенных.

Интересным был ответ с личным местоимением «я». Вполне возможно, что во время проведения опроса испытуемый был раздражен внешними факторами, поэтому и олицетворил гнев в качестве себя.

Трижды встретились имена собственные. Примечательно, что к слову «гнев» была проведена ассоциация с именем «Воланд». Тем самым опрошенный либо фанат серии книг Роллинг Дж. о Гарри Поттере, где воплощением зла служил персонаж Воланд, либо имел ввиду имя Воланда как олицетворение дьявола.

Среди имен прилагательных встречались цвета серый, красный, черный и желтый. Цвет – мощное средство воздействия на психику человека. Его сила заключается в том, что цвет способен «обойти» защитные механизмы нашего сознания и действовать на бессознательном уровне. Если углубиться в символику, то серый цвет является воплощением гнева, злости и подлости. Красный цвет первоначально ассоциируется с кровью и огнем, вызывая волнение и беспокойство и усиливая нервное напряжение. Желтый цвет беспокоит и возбуждает воображение человека, действует подавляюще на психику. Однако в моменты разочарования действие желтого цвета может оказаться полезным и сыграть роль выраженного устремления к интуитивному преодолению межличностной напряженности. Черный цвет ассоциируется с ночью, злом и невежеством, зачастую сопровождается страхом жизни и отчаяньем.

Тем самым, к использованию цвета испытуемые обращаются тогда, когда не могут выразить свое внутреннее состояние. Воздействуя на подсознание, цвет способен возбудить в человеке широкий спектр эмоций.

Среди анкет было выделено одно наречие – «грешно». Опрошенный приравнивает гнев к совершению греха. Как известно, гнев входит в состав семи смертных грехов и влечет за собой потерю спасения души в случае отсутствия покаяния.

Среди ответов в словосочетаниях нам встретились следующие ассоциации – «один и смертных грехов», «плохое настроение», «разъяренный человек с двумя саблями». Только один человек «гнев» представил в виде образа – человека с саблями, другой провел параллель с эмоциями, третий – использовал свои знания

Таким образом, на ассоциации, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента, одновременно указывают такие факторы, как лингвистический (определенные характеристики слова-стимула) и прагматический (личность испытуемого и его жизненный опыт). Гнев вызывает у людей широкий спектр эмоций от волнений и беспокойства до страха жизни и отчаянья. Он является одним из смертных грехов, ведущий за собой потерю спасения души, о чем говорит использование ассоциативных наречий и имени собственного. Гнев выражается в сильной эмоциональной реакции на негативное событие, выражающееся в желании причинить вред, в психомоторной активности и внутренним переживанием.

Выводы по 2 главе

В ходе анализа русских бытовых сказок мы пришли к выводу о том, что эмоционально-оценочная лексика, репрезентирующая гнев в русских бытовом фольклоре, представлена широко. Все слова мы классифицировали на две лексико-семантические группы (наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой; пожелания зла,

намерения наказать кого-либо, действия угрозы, вербализуемые через глагольную лексику), внутри которых выделили ряд подгрупп, что позволило подробнее рассмотреть лексемы и лексические сочетания и точнее определить их значение и функцию в контексте русского бытового фольклора.

Наиболее представленной по количеству употреблений оказалась группа слов, называющая лиц с отрицательной характеристикой (25 единиц, 73 употребления): *дурак* (34), *дура* (3), *каналья* (2), *курва* (3), *окаянный / окаянная* (4), *сукин сын* (2), *(экой) плут* (2), *старая чертовка* (2) и др. 25 лексических единиц мы распределили по 3 смысловым подгруппам (наименования *глупого*, *подлого* и *хитрого* человека), что позволило сделать вывод о том, что в русской бытовой сказке *дураком* (34) и *олухом* (1) называют несообразительных героев, *мерзавцем* (2) и *подлецом* (1) – коварного, гнусного человека, *плутом* (2) и *мошенником* (1) – хитрецов.

К группе «действия-угрозы, вербализуемые через глагольную лексику» мы отнесли 34 единицы, которые встретились в 34 случаях употребления: *(крепко) рассердился* (3), *убил до смерти* (2), *озлобилась* (1) и др.

Обе группы слов представлены, как одиночными лексемами с семантикой гнева (*дармодед* (1), *олух* (1); *изведу* (1), *утоплю* (1), так и сочетаниями слов, репрезентирующими отрицательный аффект (*старая ведьма* (1), *дьявол длинноногий* (1); *давай понужать плетью* (1), *начал за бороду трепать* (1) и т.д.

Выделенные семантические группы отличаются не только морфологически (1 группа – именная лексика, 2 группа – глагольная), но и способом репрезентации гнева (1 группа – слова с отрицательной коннотацией включены в прямую речь героя, 2 группа – негативно

окрашенная лексика содержится как в прямой речи персонажей, так и в авторских ремарках).

Язык в русской народной бытовой сказке достаточно эмоционален. Преобладающей эмоцией в текстах является гнев, который может переходить в ярость, что влечет не только употребление героями отрицательно окрашенной лексики, но и применение физической силы к раздражителю (сцены такого характера также описаны эмоционально-окрашенной лексикой, но уже глагольной). В связи с этим стоит сделать уточнение: эмоция гнева в бытовых сказках вербализируется не только через эмоционально-оценочную лексику (*дура, каналья, черт, сукин сыни т.п.*), но и находит отражение в других, глагольных, лексемах, указывающих на гневное состояние (*утоплю, изведу, прибую и т.п.*).

Также нам удалось установить, что гневное состояние в русской народной бытовой сказке характерно для героев мужского пола, так как лексика, репрезентирующая гнев женщины, представлена всего тремя употреблениями.

Заключение

Целью нашей исследовательской работы являлось описание эмоционального негативного понятия «гнев» в русском языке и выявление специфических черт вербализации гнева в русской бытовой сказке. Для достижения цели нашего исследования мы рассмотрели отрицательно окрашенную эмоцию гнева в психологическом, физиологическом и языковом плане; определили систему лексических средств реперезентации гнева в русском языке; представили понятие русской бытовой сказки и выявили особенности вербализации гнева в рамках русского бытового фольклора; провели ассоциативный эксперимент и проанализировали его данные.

Исследование проблемы природы гнева в языковом пространстве в целом и в контексте русской народной бытовой сказки позволило сделать следующие выводы:

1. На сегодняшний день изучение роли языка в процессе формирования национального культурного самосознания является одной из главных задач лингвистической науки, так как именно язык выступает связующим звеном между внутренним миром человека и окружающей его действительностью, а человеческие эмоции любого спектра (и положительные, и отрицательные), как правило, находят отражение в языковом сознании людей, воплощаясь в эмоционально-оценочном слове.

2. Так, гнев рассматривается психологами и физиологами в качестве базовой реакции, представляющей собой ответ на внешний раздражитель. Важнейшая задача гнева является устранение или быстрое обесценивание источника раздражения. Он может быть активирован мыслями, действиями, чувствами и выражаться, например, в устной форме посредством использования бранной лексики, которая является экспрессивной реакцией на действия раздражителя.

3. Эта лексика представляет собой емкие эмоционально наполненные высказывания, с помощью которых в книжной речи создается образ персонажа и характеризуются его отношения с другими героями. Все лексемы, репрезентирующие гнев в русской бытовой сказке, мы классифицировали на две лексико-семантические группы по признаку их принадлежности к именной или глагольной лексике: 1) наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой, заложенной в семантике слова (*дурак (34), дура (3), курва (2), шкура (1)* и другие); 2) пожелания зла, намерения наказать кого-либо, действия-угрозы, вербализуемые через глагольную лексику (*рассердился (3), взбесился (1), прибить (1), утоплю (1)* и другие).

Отметим, что представленные семантические группы (1 и 2) имеют не только разницу в морфологическом составе, но и отличаются способом репрезентации гнева (1 группа – слова с отрицательной коннотацией включены в прямую речь героя, 2 группа – негативно окрашенная лексика содержится как в прямой речи персонажей, так и в авторских ремарках).

Обе группы слов представлены, как одиночными лексемами с семантикой гнева (*собака (1), шкура (1); изобью (1), утоплю (1)*), так и сочетаниями слов, репрезентирующими отрицательный аффект (*старый черт (1), дьявол длинноногий (1); плетью стегают (1), начал хлестать с уха на ухо (1)* и т.д.

Первую группу слов (именная лексика) составляют 25 единиц в 73 случаях употребления; количество слов, отнесенных ко второй группе (глагольная лексика), и частота их употребления имеют одинаковое значение – 34. Таким образом, использование единиц группы «наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой, заложенной в семантике слова» является наиболее частотным для русского бытового фольклора. Внутри первой группы путем обобщения лексем по значению нами были выделены три лексико-семантические подгруппы

наименований 1 – глупого (*дурак, олух и др.*), 2 – подлого (*мерзавец, дьявол, сволочь и др.*) и 3 – хитрого человека (*черт, мошенник, сукин сын и др.*).

Нами был выделен ряд некоторых особенностей функционирования лексем **первой группы** в русских бытовых сказках:

1) в русской бытовой сказке лексема *дурак* всегда имеет отрицательное значение, но в определенном контексте она не только называет глупого человека, но и является репрезентантом эмоции гнева – это вторая функция слова;

2) Особенностью репрезентации гнева словами лексико-семантической группы «наименования лиц с выраженной отрицательной характеристикой» является употребление с ними местоимения *этакой* (*экой*) (*экой гусь, экая ты рогатая скотина и др.*), что усиливает отрицательно окрашенный аффект и вносит дополнительные эмоции;

3) включение ряда слов в религиозный контекст (*окаянный, черт, дьявол*), в рамках которого сатирически изображаются священнослужители;

4) употребление слова женского рода в адрес героя мужского пола (*каналья*);

второй группы:

1) в русском бытовом фольклоре происходит замена компонентов устойчивого словосочетания с сохранением смысла, например, *вспылить со злости (1)* – лопаться от злости (узусальное), *угощать кулаками (1)* – накормить кулаками (узусальное).

Данные, полученные в ходе анализа языковых единиц собранной нами картотеки, показывают, что чаще в русской бытовой сказке используются слова, называющие «подлого, коварного, гнусного человека», «хитрых людей» и действия, направленные на героев такого типа, вербализуемые через глагольную лексику. В связи с этим мы можем предположить, что для русского человека подлость по отношению к окружающим и

извлечение выгоды из каких-либо отношений являются неприемлемыми, порицаемыми категориями и вызывают негативную эмоциональную реакцию.

4. В ходе анализа данных ассоциативного эксперимента и собранной картотеки слов, репрезентирующих гнев в русском бытовом фольклоре, нами не было выявлено схожих значений, что свидетельствует об изменении языкового сознания современного человека под влиянием лингвистического (определенные характеристики слова-стимула) и прагматического (личность испытуемого и его жизненный опыт) факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева И.В. О соотношении категорий «язык» и «бытие» в философии / И.В. Андреева // Язык и культура. – 2015. – №2 (30) – С.6–16.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 338 с.
3. Бабайцева В.В. Русский язык: Теория. 5-9 кл. : учебник / В.В. Бабайцева, Л.Д. Чеснокова. – Москва : Дрофа, 2014. – 319 с. – ISBN 978-5-358-10611-6.
4. Бабенко Л. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Л. Бабенко. – Москва : АСТ-Пресс, 2009 – 864 с. – ISBN 5-462-00358-7.
5. Большой медицинский словарь. URL: <http://alcala.ru/medicinskij-slovar/slovar-R/index.sh..> (дата обращения: 21.08.2017)
6. Большой словарь русских поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/russian-sayings/index.htm> (дата обращения: 23.05.2021).
7. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / В.В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1986. – 640 с.
8. Голуб И.Б. Стилистика русского языка и культура речи / И.Б. Голуб. – Москва : Логос, 2010. – 432 с. – ISBN 5-94010-023-6.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – URL: <https://www.prlib.ru/item/457655> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Доброницкая Т.В. Стилистико-синтаксические особенности английской детской литературной сказки: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Доброницкая Татьяна Викторовна; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. – Москва, 1980. – 206 с.

11. Жмуров В.А. Большой толковый словарь терминов психиатрии / В.А. Жмуров. – Элиста : Изд-во Джангар, 2010. – 864 с. – ISBN 978-5-94587-393-3.

12. Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного: учебное пособие / Е.И. Зиновьева. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. – 88 с. – ISBN 5-8465-0360-8.

13. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор / Т.В. Зуева. Б.П. Кирдан. – Режим доступа: <https://www.textologia.ru/literature/russkiy-folklor/skazki/bitovie-skazki/3286/?q=471&n=3286> (дата обращения: 19.05.2021).

14. Изард К. Психология эмоций / Кэррол Э. Изард; Пер. с англ. В. Мясник, А. Татлыбаев. – Москва: Питер, 2009. – 460 с. – ISBN 5-314-00067-9.

15. Касаткин Л.Л. Экспрессивно-оценочная лексика / Л.Л. Касаткин; под. ред. П.А. Леканта // Краткий справочник по современному русскому языку. – Москва : Высшая школа, 1991. – 234 с.

16. Кассинов Г. Психотерапия гнева : полн.практ.рук. / Г. Кассинов, Р. Чип Тафрейт ; пер. с англ. М. Гневаков А. Никонова. – Москва : АСТ; СПб.: Сова, 2006. – 477 с. – ISBN 5-17-035329-4.

17. Кожина М.Н. Стилистика русского языка : [электронный ресурс] учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2008. – 464 с. – ISBN 978-5-9765-0256-7 (Флинта). ISBN 978-5-02-034758-8 (Наука).

18. Кожбицкая О.Г. Эмоционально-оценочная лексика русского и китайского языков в сопоставительном аспекте / О.Г. Кожбицкая // III Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение азиатско-тихоокеанского региона в фокусе современности. Материалы международной научной конференции. – Иркутск, 10-16 сентября 2019. – С. 236–240.

19. Козлов Е.В. Об эмоциях и развлекательном повествовании / Е.В. Козлов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2008. – № 10. – С. 8–12.
20. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-ов / Э.В. Кузнецова. – Москва: Высшая школа, 1989. – 216 с.
21. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – Москва: Высшая школа, 1996. – 381 с.
22. Кэррол И. Психология эмоций / И. Кэррол. – Спб. : Питер, 2000. – 464 с. – ISBN 978-5-314-00067-0.
23. Ладисова Н.М. Экспрессивность как элемент системы стиля английской литературной сказки: дисс. ... канд.филол.наук / Н.М. Ладисова. – Минск, 1981. – С. 11.
24. Литературный энциклопедический словарь // под общ. ред. В.М. Коженикова и П.А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
25. Месникович С.А. Представления о гневe в контексте психологической науки / С.А. Месникович, Т.А. Драздовская // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2016. – №3-2. – С. 23-25.
26. Намычкина Е.В. Сказка как литературный жанр / Е.В. Намычкина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Т.2. – №3. – С. 103–109.
27. Никифоров А.И. Сказка, ее бытование и носители / А.И. Никифоров. – М.: Л., 1930. – С. 7-55.
28. Ожегов С.И. Толковый словарь / С.И. Ожегов. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 25.04.2021).
29. Печерникова Е.М. Основные особенности синтаксиса немецких народных сказок (на материале сказок бр. Гримм): дис. ... канд. филол.

наук: 10.02.04 / Е.М. Печерникова. 1-ый Московский государственный педагогический институт иностранных языков. – Москва, 1962. – С. 3.

30. Пропп В. Морфология сказки / В. Пропп. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.

31. Разоренова Ю.А. Актуальные проблемы изучения текстовой эмотивности в лингвистическом аспекте / Ю.А. Разоренова, П.Е. Шляхова // Инновации в науке: сб.статей по материалам I Международной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2015. – №10 (47). – С. 80-84.

32. Разоренова Ю.А. Языковые средства выражения частной кульминации / Ю.А. Разоренова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – №1. – С. 255–259.

33. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов: учебное пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – Москва: Просвещение, 1985. – 128 с.

34. Сажина Е.В. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий / Е.В. Сажина, Д.С. Семак // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 565–569.

35. Самотик Л.Г. Лексика современного русского языка / Л.Г. Самотик. – М. : Издательство «Флинта», 2012. – 510 с. – ISBN 978-5-9765-1393-8.

36. Сказки: Кн.3. / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г. Круглова. – М.: Советская Россия, 1989. – 623 с.

37. Словарь русского языка: В 4-х т. Т.4. С-Я / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 796 с.

38. Словарь лингвистических терминов / под ред. Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 686 с. – ISBN 978-5-98993-133-0.

39. Сребрянская Н.А. Эмотивная лингвистика – перспективное направление лингвистических исследований / Н.А. Сребрянская // Вестник

ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 282–285.

40. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – Москва : Флинта: Наука, 2003. – 696 с. – ISBN 978-5-89349-342-9.

41. Толковый словарь русского языка / Сост. Д.В. Дмитриев. –URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/index.htm> (дата обращения: 5.05.2021)

42. Уткина Т.В. Взаимосвязанное изучение русских, мордовских и зарубежных литературных сказок: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. / Татьяна Викторовна Уткина; науч.рук. А.М. Каторова. Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьевой. – М.,1998. – 19 с.

43. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).

44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 30.04.2021).

45. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Фёдоров. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 20.04.2021).

46. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: учеб. пособие для студ. высш. уч. заведений / Р.М. Фрумкина. – Москва : Издательский центр «Академия», 2008. – 320 с. – ISBN 5-7695-0726-8.

47. Шатунова О.В. Возможности артпедагогтики в деятельности учителя / О.В. Шатунова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т.18. – С.131-133.

48. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М.: URSS. – 2008. – 208 с. – ISBN 978-5-397-06201-5.

49. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы / В.И. Шаховский // Волгоградский государственный педагогический университет. – 2008. – № 10. – С. 8–12.

50. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова /В.И. Шаховский // Известия АН СССР. Серия литература и язык, 1987. – № 3. – С.49–56.

51. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд. ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1983. – 96 с.

52. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 29-41.

53. Экман П. Психология лжи / Пер. Н. Исупова, Н. Мальгина, Н. Миронов, О. Терехова. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. – 272 с. – ISBN 978-5-4461-1288-3.

54. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 10.02.2017).

55. Энциклопедический словарь // Академик.ру – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: 16.05.2021).